

РОЛЬ СИБИРСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ЗАГОТОВКАХ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 12-01-00105а.

Рынков Вадим Маркович
К.и.н., ст. научный сотрудник,
Институт истории СО РАН

THE ROLE OF SIBERIAN COOPERATION IN PROVISION PROCUREMENTS DURING THE WORLD WAR I

V. Rykov

Annotation

The article analyzes forms, methods and scales of food procurements of Siberian cooperation during the World War I. The author draws the main attention to procuring work of the state in the butter and grain Siberian markets. Contradictions of state monopoly establishing on butter procurements, reasons of purveyors and manufacturer's' disaffection are shown and the conclusion about stimulant influence of bread procurement on setting up of cooperative union building is proved. Established scheme of credit financing of bread procurements and supply of large bread procurements with materials was focused on prior support of credit unions. The conclusion about connection between the state and cooperative unions is of key value.

Keywords: Cooperation, agriculture, Siberia, provision procurement, market.

Аннотация

В статье анализируются формы, методы и масштабы продовольственных заготовок сибирской кооперации в годы Первой мировой войны. Основное внимание автор уделит заготовительной работе государства на масляном и зерновом рынках Сибири. Им показаны противоречия становления государственной монополии на заготовки масла, причины недовольства частных заготовителей и производителей, а также обоснован вывод о стимулирующем влиянии заготовок хлеба на развитие кооперативного союзного строительства. Сложившаяся схема кредитования хлебных заготовок и снабжения крупных хлебозаготовителей материалами была ориентирована на первоочередную поддержку кредитных союзов. Ключевое значение имеет вывод о тесной связи государства и кооперативных союзов.

Ключевые слова:

Кооперация, сельское хозяйство, Сибирь, продовольственные заготовки, рынок.

Вступление России в Великую войну поставило перед государством задачи совершенно невиданного масштаба. Мобилизация в армию более чем десяти миллионов человек, перевод части промышленности на производство вооружения и боеприпасов оторвала этих людей от созидательного труда. Необходимость снабжать громадную массу населения продовольствием, одеждой и обувью, другими предметами повседневного обихода заставила буквально на ходу заниматься реорганизацией заготовительного аппарата и принимать беспрецедентные меры по стимулированию производства. Эти обстоятельства вызвали к жизни ряд структур – государственных и общественных, объединявших производителей продукции или координировавших их работу.

Кооперация очень удачно выстроилась в новые реалии. Она и раньше являлась институтом, объединявшим массы производителей и потребителей, в своей деятельности провозглашала приоритет некоммерческих целей. Поэтому царские чиновники, всегда с опаской относившиеся к активистам кооперативного движения, подзревая в них политический оппозиционер, в условиях войны сделали ставку на экономическое сотрудничест-

во с кооперативными организациями.

Первоначально основные усилия государство направляло на заготовку продовольствия в прифронтовых районах европейской части России. Лишь когда стало понятно, что война приняла затяжной характер, осенью 1915 г. правительство пошло на системную заготовку продовольствия в Сибири. Существенным исключением являлись заготовки масла, в отношении которых государство изначально сделало упор на сибирский рынок.

Настоящая статья призвана определить масштаб участия кооперации в заготовках продовольствия в Сибири, методы, которыми они проводились, характер ее взаимодействия с государственным аппаратом и частными торговыми организациями, влияние продовольственных заготовок на динамику соотношения государственного, кооперативного и частнокапиталистического уклада в сибирской экономике.

Государственный аппарат обеспечил организационный каркас для проведения поставок продуктов питания для армии и милитаризованной экономики. С лета 1914 г. продовольственные заготовки призваны были осуществлять специальные уполномоченные Главного управления земледелия и землеустройства (с 1915 г. –

уполномоченные министерства земледелия). Таких уполномоченных назначили как в отдельных сибирских губерниях, так и в масштабах всего сибирского субрегиона. Уполномоченным по заготовке хлеба в Западной Сибири был назначен управляющий сельскохозяйственными складами в Омске Н.Ф. фон Штейн, уполномоченным по заготовкам масла для нужд армии в Сибири – С.М. Кочергин. Довольно быстро правительственные агенты оказались втянуты в жесткую конкуренцию между частными заготовителями и кооперативами, но предпочли не сложную игру на рынке, а жесткое государственное вмешательство и свертывание свободной торговли.

Особенно характерной в этом отношении стала деятельность Кочергина. Летом 1914 г. на масляном рынке возник ажиотаж. В связи с тем, что война грозила обрывом связей с Европой и сокращением заготовок масла, заготовители резко снизили цены и стали скупать масло по дешевке. При этом они вели себя так, будто закупают его себе в убыток из милости к производителям, не рассчитывая его сбыть. Такое поведение уронило цены на 54–66% от прошлогодних.

В сентябре, когда на рынок вышли государственные заготовители, положение стало меняться. Спрос усилился и цена пошла на повышение. Главная причина перелома кризисной ситуации крылась в особой связи, установившейся между представителями государства и кооперацией. В конце августа С.М. Кочергин заключил договор с Союзом сибирских маслodelьных артелей (ССМА), на основании которого союз стал скупать масло как единственный контрагент казны. Причем он мог производить закупки не только у членов союза, но и у частных производителей. Цена скупки была установлена в 12 руб. 20 коп., в то время как на рынке стояла цена в 10 руб. 40 коп.

Началась жесткая и неравная борьба за производителя. Частники резко взвинтили цены до 12 руб. за пуд, рассчитывая скупить как можно больше масла. Узнав о договоре Кочергина с ССМА, условия которого, кстати, являлись коммерческой тайной, маслоторговцы из Омского биржевого комитета предложили уполномоченному ежедневно предоставлять для осмотра все закупаемое на бирже масло. Любую партию уполномоченный мог купить по себестоимости без всякой комиссии. При этом товар готовился к отправке в армию совершенно бесплатно. "Экспортные конторы предоставляют Главному управлению земледелия и землеустройства свой опыт, знание дела на местном рынке, избавляя тем самым от труда покупки масла на базаре и на пристанях" [7, л. 45–46]. Такой экстравагантный ход позволял торговцам отвести от себя обвинения в недостатке патриотизма и не уступить контроль над рынком.

Конфликт финансовых интересов на масляном рынке вскоре получил продолжение. Чтобы окупить свои операции, связанные с целенаправленным повышением рыночных цен, как ССМА, так и частные кампани стали предлагать государству партии масла старой закупки по текущим рыночным ценам. Такая операция, внешне вполне оправданная, позволяла получить прибыль, необходимую для нового витка конкурентной борьбы. ССМА

спокойно сбыл государству свои летние заготовки, нажив по 1–2 рубля на каждом пуде [7, л. 77]. Но аналогичные устремления частных были расценены как посягательство на государственные интересы и попытка извлечения сверхприбыли. 21 октября 1914 г. последовало решение о реквизиции масла у частных заготовителей, осуществленное в следующие несколько недель в Омске – крупнейшем в Сибири оптовом центре скупки масла. Причем в первую очередь реквизиции подверглось именно то масло, которое торговцы закупили в августе–сентябре по низким ценам. Реквизиция затронула 24 частные фирмы и проводилась по заготовительным ценам с прибавкой только 10–20 коп. в качестве прибыли. Реквизиционные комиссии отказались учитывать в себестоимости масла банковские залоги и страховку, которые составляли обычно 8% от заготовительной цены, расходы на транспортировку и хранение масла [5, л. 103, 168, 184]. Заготовители в результате этой операции понесли огромные убытки.

Чтобы блокировать нелегальные пути сбыта масла за пределы региона, всем заготовителям была воспрещена его погрузка в вагоны и вывоз за пределы Сибири. Принятое ранее к погрузке масло тоже объявили реквизиционным. Причем весь изъятый товар лишь передавался в ведение государства, но физически никуда не перемещался. Его опечатали и оставили на хранение в тех же складах и пакгаузах, где оно находилось ранее под ответственность его бывших хозяев. За хранение масла прибавляли 30 коп. за пуд к его реквизиционной цене [6, л. 181; 8, л. 11].

В Омске реквизиционная комиссия опечатала 800 тыс. пуд. сливочного масла, причем как соленое, так и скоропортящееся сладкое. В течение месяца государственные уполномоченные не приняли ни одного бочонка масла. Запасы масла экспортных контор лежали в подвалах и портились, а это значит, что мертвым грузом лежал и оборотный капитал, предприятия разорялись. Лишившись средств, частные конторы недозаготовили в сезоне 1914/1915 г. около 2 млн пуд. масла. Искусственное устранение с рынка конкурировавших с кооперацией заготовителей вызвало его дефицит [7, л. 74–74об]. Но все сигналы биржевиков игнорировались в правительственном аппарате. В свою очередь, С.М. Кочергин был решительно настроен на изъятие с рынка всего частного масла [7, л. 100, 103, 309].

Действиями ССМА были недовольны не только частные торговцы, но и производители масла, как за пределами союза, так и внутри него. Хорошо было известно, что, добившись от государства права на монопольную скупку масла, правление ССМА установило дискриминационную цену. Несоюзные молокоздатчики и маслodelы сдавали товар в союз по цене более низкой, чем союзные. Материалы для производства масла при этом отпускались не членам союза на 20–30% дороже. По сути дела, ССМА вел целенаправленный курс на разорение несоюзных маслodelов или вынуждал их вступить в союз.

Как отмечали критики, ССМА успевал еще и спекули-

ровать мас-лом внутри Сибири, продавая его местным розничным торговцам опто-выми партиями по 18–20 руб. [7, л. 156; 23, с. 95]. Осудив в начале вой-ны частных маслоторговцев за склонность к спекуляции, ССМА сам занялся ею. При этом кооперативные функционеры нарушали интересы городских обывателей Сибири, но делали это не в пользу крестьян, что их отчасти могло бы оправдать в глазах общественности, а в интересах управленческого аппарата союза. Дополнительные торговые надбавки не отражались на закупочных ценах. Получалось, что после введения монополии на масло не кооператоры, а частные торговцы в большей степени лоббировали интересы сельских маслоделов.

Но позиции производителей масла не были столь однозначны и прямолинейны. Как утверждали представители кооперированного крестьянства, до начала государственных заготовок маслоделие находилось в критическом состоянии. Частные скупщики душили производителя низкими ценами. Государство, заключив договор с ССМА, спасло мас-лоделов, внося в их жизнь элемент стабильности. Теперь они получили уверенность в сбыте своей продукции [8, л. 16–16 об., 18–20, 22–26, 47–47 об., 52–52 об., 55–55 об.]. Получалось, что государство, связав закупки масла с монопольным посредничеством ССМА, спасло отрасль от разорения ее спекулянтами, по крайней мере, в первое время. Положительную роль сыграло изменение порядка приемки масла. Уполномоченные по заготовкам предписали делить его на сорта, которые оплачивались по разной цене. Это заставляло следить за качеством, чего раньше не наблюдалось. Наконец, с первых месяцев войны стала вводиться новая форма заготовок, предусматривавшая своеобразные фьючерсные контракты в виде ссуд Государственного банка производителям под залог масла через ССМА.

Введение масляной монополии через посредство союза позволило сохранить объемы производства масла примерно на довоенном уровне. Но при этом происходило перераспределение рынка. Численность кооперативных артелей росла, как и доля масла, закупавшегося союзом у сибирских крестьян. Очевидно, что в интересах производителей масла, да и всей отрасли в целом было сочетание монополии и конкуренции на рынке. Ведущий скупщик вносил стабильность на рынок, но в то же время нельзя было устранять и конкурировавшие с ним структуры, присутствие которых заставляло монополиста учитывать материальные интересы производителей и заботиться о рентабельном производстве.

Крупнейший кооперативный союз Сибири взял курс на устранение конкуренции на рынке масла, причем руками государства. Но государство при этом получило возможность сдерживать рост цен, создавая ценную диспропорцию. Так, если до войны, в 1913 г., крестьяне получали в среднем 42% прибыли от переработки молока в масло, в 1916 г. – только 8% [12, с. 7]. Более того, оказавшись в положении монополиста, ССМА проводил политику дискриминации и собственных артелей. За масло, сданное союзными артелями, выплачивалось сразу 82–88% от закупочной стоимости молока в качестве

аванса. Остальное следовало после оплаты продукции государством, то есть через несколько месяцев. Товары в артельные лавки союза покупались часто у ближайших частных торговцев, поэтому они оказывались дороже, чем на свободном рынке.

Крупнейший в Сибири союз раздирали внутренние противоречия. Внутрикооперативная дискуссия велась не только в кооперативных кругах, но и через прессу стала достоянием широкой общественности. С весны 1915 г. работавшая целый год ревизионная комиссия пришла к не очень утешительным выводам. В частности, она указала на неоправданно высокие надбавки на цену масла для розничных торговцев, накрутку на розничные товары в 10–16% вместо положенных 5–6 [23, с. 95]. К этому времени недовольство союзным начальством стало массовым. Из союза вышли 60% артелей. Часть из них, находившаяся на Алтае, образозвала Алтайский союз кооперативов.

Скандал внутри ССМА заставил внести корректировку и в государственную политику. В 1916 г. условия на рынке поменялись в сторону создания большей конкуренции. Для Уполномоченного Министерством земледелия по заготовкам масла в Сибири С.М. Кочергина заготовляли масло восемь организаций: ССМА, Приуральский союз маслодельных артелей, Касса мелкого кредита Камышловского уездного земства, Шадринский союз кредитных товариществ, Коммерческий отдел при омском отделе Московского общества сельского хозяйства и другие [9, л. 7]. Но материальная база маслоделия была подорвана, в 1916 г. производство масла сократилось на 37%, хотя кооперативные заготовки продолжали увеличиваться [19, с. 11].

Несмотря на избыток хлеба в Сибири, Главное управление землеустройства и земледелия старалось производить его закупки в европейской части страны, ближе к фронту. Но общий вывоз хлеба из региона был значительно больше, чем до войны. Сибирь выступила важнейшим поставщиком этого ключевого для российской экономики продукта не столько для армии, сколько для населения европейской части страны. Особенностью военного времени стала скупка в Сибири овса и сена для создания фуражных запасов в армии. До войны их товарность была не-высока. Теперь многие хозяйства переориентировались на выращивание неприхотливого и находящегося регулярный сбыт овса на продажу и сено-кошение. Сено было в изобилии в Тобольской и Томской губерниях, ставших наиболее активными его поставщиками для армии. В 1914 г. сибирские кооперативы сдали уполномоченному по заготовкам 1 млн 800 тыс. пуд. сена, что составило 18% от общероссийских кооперативных заготовок, хотя и оставалось ничтожно малой долей (менее 1%) от общего количества его поставок в армию [16, с. 45–49]. В 1915 г. ССМА даже провел кампанию по организации особых сенных товариществ, специально создававшихся для выполнения контракта по сдаче сена в казну. Впрочем, и дальше этот вид поставок не получил развития. Всего за годы войны было поставлено из Сибири 8 млн пуд. прессованного сена, а в 1916 г. фуражные за-

готовки решили свернуть, опасаясь, что они сократят кормовую базу в районах маслоделания [15, с. 99–100].

Н.Ф. фон Штейн ориентировал свою работу прежде всего на со–трудничество с кооперативными организациями, причем выбор этот был сделан буквально в первые недели войны. 24 августа 1914 г. Уполномо–ченный заключил договор с ССМА на поставку для армии в течение осени 1 млн пуд. овса, выплатив авансом 100 тыс. руб., или около 20% от стоимости [4, л. 3–4 об.]. 4 сентября 1914 г. он собрал в Омске сове–щание и передал кооперативам подряд на весь объем овса, необходимо–го казне (3 млн пуд.), и на 1,5 из 2 млн пудов ржаной муки [13, с. 16].

Наибольшую активность на хлебном рынке проявила кредитная кооперация, под влиянием войны постепенно трансформировавшаяся преимущественно в сельскохозяйственную. Ее финансово–денежная ра–бота отошла на второй план, а организация хлебозаготовок превратилась в основное направление. В первую "военную" осень многие кредитные товарищества попытались взять подряды на поставку хлеба для армии. Возникла ситуация чистой конкуренции. В борьбе за потребителя част–ные торговцы и кооперативы шли на повышение закупочных цен. От–слеживая шаги друг друга, обе стороны искали районы, не охваченные деятельностью конкурентов, использовали временные перерывы в рабо–те противоположной стороны, моментально реагируя временным снижением заготовительных цен. Но соревноваться с хорошо отлаженным частноторговым аппаратом кооперативам было сложно. Узким местом оказалось хранение заготовленных товаров. Успешная работа кооператива приводила к тому, что зерно приходилось складировать под откры–тым небом или договариваться о его хранении в амбарах крестьян–сдатчиков.

Заготовительная деятельность государства способствовала органи–зации крупных союзов кредитной кооперации. Они формировались, прежде всего, в районах, специализировавшихся на производстве товар–ного хлеба, брали на себя заготовку зерновых продуктов для казны, их сортировку, хранение, доставку до станций, пристаней, складов.

Характерна динамика событий в прилегавших к железной дороге местностях Томской губернии. Уже осенью 1914 г. прошла серия район–ных совещаний кредитных кооперативов в Болотном, Ояше, Мариинске. Поначалу речь шла только о том, чтобы консолидировать свои договоры с интендантством, выработать общую тактику поведения на рынке, со–гласовать ценовую политику, оптимально распределить ареал работы каждого товарищества. Но после первых месяцев встал вопрос о хране–нии [20; 21]. На 1915 г. уже наметили целую программу строительства кооперативных зернохранилищ: в Мошково – 100 тыс. пуд., в Ояше – 200 тыс., в Болотном, Чике, Коченево – по 300 тыс. пуд. [2]. Крупный кооперативный элеватор на 750 тыс. пуд. зерна к осени 1915 г. открылся на ст. Лебяжье Омской железной дороги [15, с. 102]. Затеявая такое стро–ительство, кооперативные союзы запрашивали государственную ссуду в размере 90% от

общей сметы [1, с. 17].

На таких совещаниях, проводившихся по всей Сибири, выкри–сталлизовывалась идея организации союзов. В 1915 г. были основаны Ялutorовский, Ишимский, Петропавловский и Мариинский кредитные союзы, в 1916 г. – Курганский, Семипалатинский, Черепановский, Ново–николаевский, Бийский и Славгородский кредитные союзы. Любой из таких союзов был более крупным и надежным партнером, чем частные контрагенты, и уполномоченные предпочитали заключать договоры именно с ними. Например, в Тобольской губернии два союза за 1914–1915 г. предоставили казне 770 тыс. пуд. овса, 26 тыс. пуд. ржи и 550 тыс. пуд. сена [26, с. 49–50], Мариинский союз заключил договор на по–ставку 500 тыс. пуд., в Новониколаевском районе 42 кредитных товарищества взяли подряд на 400 тыс. пуд. Хороший урожай позволил пре–взойти все первоначальные ожидания. Поэтому, например, кредитные кооперативы Ново–Николаевского района в действительности поставили 1,3 млн пуд. овса и 491 тыс. пуд. других зерновых продуктов [15, с. 100, 103; 20]. Другие кооперативные объединения также продавали государ–ству зерно и муку сверх контрактов.

Пример ССМА, который в условиях войны осуществлял поставки не только масла, но и широкого спектра продовольственных продуктов, подсказывал путь дальнейшей централизации и для других видов кооперации. В 1916 г. в Ново–Николаевске был основан Закупсбыт – сибир–ский союз потребительских союзов, создание которого позволяло замк–нуть в единой организационной структуре и заготовку сельскохозяйст–венной продукции, и обеспечение населения товарами. В 1917 г. в этом же городе образовался Сибирский союз кредитных союзов. Ключевым фактором его роста стало посредничество в заготовках.

Осуществление поставок породило сложные многосторонние взаимоотношения между кооперативами, сельскохозяйственными скла–дами, уполномоченными по заготовкам и финансовыми учреждениями. В частности, в расширении возможностей кредитных кооперативов огромную роль сыграли хлебозалоговые операции. Осень 1914 г. прошла под знаком популяризации этого нового для Сибири дела. Пресса убеж–дала использовать возможности залога и предупреждала против спешки в деле поставки хлеба.

Некооперированные производители получали залоги лишь на чет–верть стоимости хлеба, а отдельные крестьяне вообще не могли вступать в отношения с банком. Союз заключал контракт на поставку определен–ного количества хлеба и получал от банка аванс в размере 50% от его рыночной стоимости. Деньги распределялись между товариществами и дальше между крестьянами, принявшими на себя обязательства перед кооперативом, пропорционально количеству законтрактованного хлеба. Это позволило кооперативам не торопиться с его поставкой, а выжидать сезона повышения цен. Известно, что весенние цены на хлеб в Сибири поднимались на 30–50% против осенних, и взявшие залоговые ссуды имели возмож–

ность выждать до весны [11; 13, с. 16].

Но в первый заготовительный сезон залог хлеба не получил широкого распространения, и в условиях обильного урожая кооперативные организации, опасаясь не сбыть весь хлеб, спешно вывозили его на рынок дешево и мелкими партиями. Кроме того, рыночные цены на хлеб в первую осень войны упали, оставались нестабильными, поэтому сибирские отделения Государственного банка, выдававшие раньше для залога кредитным товариществам 2/3 от нормальной цены хлеба, осенью 1914 г. разрешали выдавать только половину. Суммы, зарезервированные банком для таких операций, оказались совершенно недостаточны. Во многих местах банковские залоги позволили покрыть лишь несколько процентов от всего объема товарного хлеба нового урожая [18, с. 12]. Но именно война привела к быстрому распространению банковского залога через кооперативы. В 1913 г. лишь 15% кредитных товариществ Томской губернии прибегали к хлебозалоговым операциям, в 1914 г. – 30%, в 1916 г. – почти все [24, с. 90]. За это время практически полностью исчез частный залог, а частные торговцы оказались вытеснены с рынка кооперативами.

Но в отличие от залога масла владелец хлеба оставался волен про-давать на рынке и не был связан обязанностью сдавать его казне по твердым ценам. Из сибирского региона в заготовительный сезон 1914/1915 г. было вывезено 81 млн пуд. хлеба, причем интендантству удалось заготовить для армии 46 млн пуд. зерна, или 16% от общего в стране количества [10, с. 25]. Из них около 10 млн пуд. пришлось на поставки кооперативного сектора [22, с. 144], причем 4 млн поставил ССМА [14, с. 55]. В 1915 г. урожай в Сибири оказался плохим, ввоз упал до 53,6 млн пуд., причем он включал и нереализованные прошлогодние остатки. В 1916 г. было заготовлено 39 млн пуд.

С осени 1915 г. на рынках Сибири действовали параллельно уполномоченные Министерства земледелия и Особого совещания по продо-вольствию. И те, и другие работали через посредников, главным образом кооперацию и сельскохозяйственные общества, скупавшие хлеб и фураж у всех производителей. Частная заготовка хлеба сокращалась, а доля кооперативного сектора увеличивалась. Но точных данных, отражавших этот процесс, не выявлено ни одним исследователем. Поэтому степень преобладания кооперативных заготовок над частными определить не-возможно.

По условиям контрактов, приемка от производителей продукции должна была проходить в крупных конторах или пунктах кооперативных организаций в присутствии представителей от департамента земледелия. Широкое распространение получило создание при союзах специального штата хлебных инструкторов. К примеру, в Алтайском кредитном союзе их работало 14. Специалисты помогли наладить сортование зерновых продуктов и их правильное хранение [15, с. 101; 25, с. 14], то есть продолжали на местах ту работу, которая возлагалась на правительственных уполномоченных по заготовкам и

работали в тесной связи с ними. В организации поставок хлеба через кооперативные товарищества активное участие принимали инспектора мелкого кредита. Данное обстоятельство указывает на быстрое складывание сети тесных личных взаимодействий кооперативных организаций и государственного заготовительного аппарата. Кроме того, различные ведомства предоставляли кооперативным союзам оборудование и инвентарь, необходимые для заготовок. В частности, департамент земледелия, заключая контракты на поставку сена, передавал им в пользование машины для прессовки сена, сельскохозяйственные склады предоставляли кредитным союзам мешки, кроме того, в пользование кооперативных союзов перешло около десятка крупных зернохранилищ, принадлежавших казне [6, л. 14].

Мясозаготовки являлись для Сибири третьим по значению направлением работы государственного заготовительного аппарата. Макрорегион имел огромные территориальные анклавы, связанные с кочевым скотоводством, а у сибирских земледельцев поголовье скота на душу населения превышало общероссийские показатели. Но на этом рынке сохранилось преобладание частных скотопромышленников. Кооперативные заготовки мяса оставались незначительными. Более того, несбалансированная ценовая и заготовительная политика государства привела к тому, что начиная с 1915 г. производство мяса стало выгоднее, чем масла, даже в районах традиционно маслодельческих. Осенью этого года закупочные цены на мясо, в том числе и на говядину, были установлены выше рыночных, что не на шутку испугало сибирскую общественность, особенно связанных с маслоделием кооператоров. Они не без основания полагали, что это подтолкнет крестьян избавляться от молочного скота и стали требовать введения для Сибири пониженных закупочных цен на мясо [17, с. 93–95].

В отечественной историографии ведется немало дискуссий вокруг социально-классовой природы кооперативного движения. Если раньше принято было делить кооперацию на буржуазную и социалистическую, то в последнее время авторы все чаще стараются определять ее как элемент рыночных отношений и гражданского общества, более того, как мостик между мелким крестьянским хозяйством и крупнокапиталистическими предприятиями. Велись подобные дискуссии и среди сибирских кооператоров, все чаще в годы Первой мировой войны встречавшихся на кооперативных форумах разного уровня. Их споры более чем поучительны. Подавляющее большинство участников призывало полностью исключить частных торговцев с рынка как ненужных посредников между производителем сельскохозяйственной продукции и государством. Были и те, кто признавал необходимость взаимодействия кооперации и частного капитала, указывали, что они являются не антагонистами, а дополнением друг друга. Но весь вопрос в том, каким виделся характер этого сотрудничества. Оказывается, даже такие "примиренцы" считали, что там, где есть кооперативы, заготовка сельскохозяйственной продукции и сбыт товаров широкого потребления населению должен

целиком сосредоточиться в руках кооперации. "Привлечь частного нецелесообразно..." [3]. Но там, где их нет, на то время, пока они не будут созданы, чтобы не возник товарный вакуум, необходимо допустить к торговле-закупочной деятельности представителей торгового класса. Сотрудничество с "частным капиталом" признавалось мерой временной, допустимой в отдельных случаях на период перехода к всеобщему кооперированию населения. И даже эта позиция многим коллегам по кооперативной работе казалась неприемлемой уступкой спекулянтам.

В годы Первой мировой войны кооперация превратилась в ведущую силу на сельскохозяйственном рынке Сибири. Это стало возможно благодаря тесному взаимодействию с представителями государственного заготовительного аппарата, сделавшими ставку на сотрудничество с кооперацией как главным и наиболее выгодным контрагентом казны. На трех важнейших рынках продовольственных продуктов сложились разные формы ко-

оперативной работы. В маслodelии установилась государственная монополия на заготовку, аппаратом проведения которой стали кооперативные союзы. Это позволило снизить издержки на заготовку, но, прежде всего, за счет ущемления интересов производителей и рядовых сибирских потребителей. Такой прецедент являлся уникальным для России в целом и в то же время обозначил готовность государства отказаться от посредничества рынка, сделать ставку на выстраивание централизованной заготовительной системы, работавшую в интересах казны. На хлебном рынке в сложной конкурентной среде была выстроена схема финансовой поддержки производителей, сформировался разветвленный кооперативный заготовительный аппарат. Кооперативные союзы выступили предпочтительным, но не исключительным партнером государства, хотя и получили режим наибольшего благоприятствования. На мясном рынке сохранилась полностью конкурентная среда, в которой кооперативы были влиятельным, но далеко не доминировавшим игроком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайский крестьянин. 1916. № 8.
2. Алтайское дело. 1916. 3 янв.
3. Алтайское дело. 1916. 19 окт.
4. ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 210а.
5. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 3.
6. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 9а.
8. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 22.
9. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43.
10. Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2010. 293 с.
11. Жизнь Алтая. 1915. 18 июня.
12. И.М. Твердые цены на масло // Алтайский крестьянин. Барнаул, 1917. № 4. С. 6–10.
13. О поставках хлеба в армию кредитными товариществами // Алтайский крестьянин. 1914. № 37. С. 14–16.
14. Орлов А. Кооперация в России накануне и во время войны. М.: Изд-во Тов-ва Кушнерова, 1915. 72 с.
15. Панова М.В. Сельская кооперация Западной Сибири в период первой мировой войны и революции (1914–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 320 с.
16. Протопопов Б.В. Сеноснабжение и война. М.; Л.: Государственное издательство, 1929. 192 с.
17. Рынков В.М. Государственное регулирование аграрного рынка Сибири в годы Первой мировой войны в оценках Омского сельскохозяйственного съезда // Исторический ежегодник 2007. Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. С. 88–103.
18. С хлебом, но без денег // Алтайский крестьянин. 1914. № 37. С. 11–14.
19. Сведения о Союзе сибирских маслodelельных артелей с диаграммами /сост. Г.Я. Маляревский. Курган, 1918. 14 с. + 18 диагр.
20. Сибирская жизнь. 1914. 23 сент.
21. Сибирская жизнь. 1914. 12 нояб.
22. Сибирское сельское хозяйство. 1916. № 7.
23. Спекторский А. Общее собрание Союза сибирских маслodelельных артелей // Справочный листок по сельскому хозяйству и артельному маслodelию. (Курган). 1916. № 4. С. 94–104.
24. Суслина С.А. Региональный зерновой рынок Сибири в 1900–1917 гг. (по материалам Томской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 200 с.
25. Хлебные инструкторы // Алтайский крестьянин. 1916. № 45. С. 14–15.
26. Шишкина С.Ю. Провинция и война: тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Тюмень: ТОГИРРО, 2006. 208 с.